

КУЛЬТУРА

Ирина Монахова

БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА В.Г. Белинский: штрихи к портрету

Каким широкому кругу современных читателей представляется Виссарион Григорьевич Белинский? Наверное, прежде всего «неистовым» автором знаменитого «Письма к Гоголю». Но это лишь один из аспектов его многогранного облика, один из этапов его жизненного пути, хотя и недолгого, но такого яркого. Каким человеком был Белинский? «Одно из самых чутких сердец, ... самый подвижный, беспокойный, пламенный ум, страстно, мучительно и искренно искавший истины», — сказал о нём В.Г. Короленко. И.С. Тургенев назвал Белинского «центральной натурой», «одним из руководителей общественного сознания своего времени».

Юный Виссарион приехал в Москву, где ему суждено было начать свою литературную деятельность, из Пензенской губернии, из города Чембара, в котором жила вся его

семья. Его отец Григорий Никифорович был штаб-лекарем. Он, в частности, принимал участие (как врач) в одном из сражений 1812 года, которые велись против наполеоновских войск, за что был награждён медалью. Поэтому Виссарион Григорьевич, появившийся на свет в эти беспокойные, «роковые» времена в 1811 году (недавно отмечался 200-летний юбилей великого критика), родился в русской военной крепости Свеабург (ныне Суо-менлинна, Финляндия).

Пребывание семьи Бельнских (именно такой была изначально его фамилия, которую он сам потом смягчил, записавшись при поступлении в университет Белинским) в армейской среде внесло в жизнь Виссариона Григорьевича неожиданную особенность. Его крестным отцом согласился стать великий князь Константин Павлович, родной брат императора Александра I, участвовавший в военных действиях тех лет

КУЛЬТУРА

(при крещении он лично, разумеется, не присутствовал, его заменило там другое лицо). Это было основанием для получения Белинским потомственного дворянства, каковое Виссарион Григорьевич и получил, правда, гораздо позже — через много лет.

Кажется, суровость места и времени рождения Белинского наложила неизгладимый отпечаток на его натуру, отличающуюся прежде всего силой духа, бойцовским темпераментом, невероятной энергетикой. Весьма точно выразил В.Г. Короленко суть личности Белинского: «Это был истинный рыцарь духа, без страха и упрёка».

А корни рода Белинских были далеко отсюда — в Пензенской губернии. Здесь, в селе Бельныч Чембарского уезда, служил священником в местном храме дед Белинского, человек в своём роде замечательный. Он в своём служении тоже был «неистовым» (как потом и его внук Виссарион). На склоне лет он фактически принял схиму — вырастил детей, удалился от семьи и вёл затворническую жизнь в посте и молитве. В семье его считали праведником. Этот внутренний огонь передался и Виссариону Григорьевичу, который замечал в письмах друзьям: «Я солдат у Бога: Он командует, я марширую», «Как попристальнее и поглубже всмотришься в жизнь, то поймёшь и монашество, и схиму», «Мы живём в страшное

время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить». Самопожертвование в служении своему делу было свойственно и ему.

В этих местах, в городе Чембаре (ныне — город Белинский) и поселилась семья Белинских, когда Григорий Никифорович вышел в отставку и стал уездным врачом. Здесь будущий великий критик провёл свои юные годы, и здесь теперь находится единственный в стране музей-усадьба Белинского.

Жизнь Белинского в родительском доме беспроblemной не назовёшь: и отец, и мать отличались сложным, неуживчивым характером, поэтому атмосфера в семье нередко была конфликтной. Да и в окружающей действительности было немало ранящих его душу отвратительных проявлений несправедливости, жестокости, унижения человеческого достоинства, что и неудивительно: ведь в то время существовали крепостное право, телесные наказания, огромное социальное неравенство. А натура Белинского всегда отличалась душевной тонкостью и отзывчивостью к чужому горю. «У меня такая несчастная натура: истерзанный, убитый, исколесованный собственными горестями, я ещё могу терзаться и мучиться чужими», — признавался Белинский в одном из писем. Однако его природная тяга к знаниям, свету, добру и не-

дюжинная сила характера брали верх, и его жизнь — это пример торжества духа, торжества творческих сил над всеми жизненными трудностями.

Те же качества в ещё большей степени понадобились ему в дальнейшем. Всю жизнь его преследовала бедность — и когда он учился в университете, и когда уже стал известным литератором. Порой в молодости он оказывался просто на грани нищеты, когда ему не на что было купить хлеб или тёплую одежду на зиму, заплатить в холодную погоду за отопление жилища. Это рано подорвало его здоровье. В один из таких моментов он писал своему другу М.А. Бакунину: «Знаешь ли ты, что иногда, принимаясь с жаром за какое-нибудь хорошее дело, за изучение чего-нибудь, за сочинение, я бросаю его с отчаянием, когда мне говорят о пришедшем кредиторе или о том, что хлеба нет, и бегу куда-нибудь, как будто бы надеясь убежать от самого себя? Знаешь ты, что, пища к тебе эти строки, я беспрестанно бросаю перо, чтобы у печки отогревать мои окоченевшие руки, потому что в комнате хоть волков морозь, а в кармане хоть выспись?».

Посетивший в середине 1830-х годов его квартиру, находившуюся рядом с кузницей и прачечной, И.И. Лажечников был поражён: «Сердце моё облилось кровью... я спешил бежать от смраду испарений,

обхвативших меня и пропитавших в несколько минут моё платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже своё имя!».

Однако здесь же, в Москве, он обрёл и неоценимое сокровище — дружбу многих достойных людей, среди которых были писатель И.И. Лажечников, филолог и литературный критик Н.И. Надеждин, актёры М.С. Щепкин и П.С. Мочалов, поэт А.В. Кольцов, философ М.А. Бакунин (ставший в будущем родоначальником русского анархизма), Н.В. Станкевич (поэт и философ, глава известного литературно-философского кружка, в котором участвовал Белинский), А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, К.С. Аксаков, Т.Н. Грановский, В.П. Боткин, М.Н. Катков, Н.Х. Кетчер, НА Полевой и др. «Дружба! — вот чем улыбнулась мне жизнь», — признавался Белинский и даже удивлялся такой щедрости. «Я раздумался и сознал, что в одном отношении был вполне счастлив: много людей любили меня больше, нежели сколько я стоил».

Это сделало для него ещё более родной и духовно близкой Москву, которую он называл «сердцем царства русского». «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший

КУЛЬТУРА

свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьётся так сильно, так радостно, как в Москве», — писал Белинский. А в письме к уехавшему за границу тяжелобольному Станкевичу он нестальгически восклицал: «О, если бы ты опять стал жить в Москве, и мы, разрозненные птенцы без матери, снова слетелись бы в родимое гнездо!». Причём в Москве сохранилось несколько домов, где жил Белинский и где он многократно бывал, но так до сих пор и не создано здесь его музея, что несправедливо по отношению к памяти великого критика.

С Москвой связаны и многие значительные работы Белинского, и первый его литературный успех, оказавшийся невероятно ярким, ошеломляющим. «Вдруг налетела буря Белинского», — вспоминал А.Н. Майков впечатление публики от его первой крупной статьи «Литературные мечтания. Элегия в прозе».

И.И. Панаев так описывал своё восприятие «Литературных мечтаний»: «Начало этой статьи привело меня в такой восторг, что я охотно бы тотчас поскакал в Москву познакомиться с автором её и прочесть поскорее её продолжение, если бы это было можно. Новый, смелый, свежий дух её так и охватил меня.

«Не оно ли, — подумал я, — это новое слово, которого я жаждал, не это ли тот самый голос правды, который я так давно хотел услышать?»... Как ничтожны и жалки казались мне после этой горячей и смелой статьи пошлые, рутинные критические статейки о литературе, появившиеся в московских и петербургских журналах!».

Ещё более широко его литературно-критические выступления развернулись в Петербурге, в журнале «Отечественные записки». И в результате ему удалось сделать нечто невиданное в истории русской литературы. Благодаря и своему тонкому вкусу, и философскому складу ума, и невероятному энтузиазму «неистовый Виссарион» придал литературной критике такой масштаб и такое значение, какого у этого скромного жанра никогда не было ни до него, ни после него. Его статьи знала и с нетерпением ждала вся читающая публика: студенты и профессора, гимназисты и учителя, литераторы, журналисты, чиновники, купцы, помещики и т.д. — в общем, все, кто имел возможность читать журналы.

А.И. Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Статьи Белинского судорожно ожидалось молодёжью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжёлый номер рвали из

рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть», — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трёх-четырёх верований, уважений как не бывало».

И.С. Аксаков свидетельствовал: «Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю... «Мы Белинскому обязаны своим спасением», — говорят мне везде молодые честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетённых, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского».

Белинский был не только критиком и теоретиком литературы, открывшим публике глаза на то, что такое искусство, что такое художественная литература и какой она должна быть, чтобы стать истинным выражением народного духа, но он (в отличие от других критиков) ещё и оказал огромное влияние на развитие самой литературы, поддерживая с присущим ему вдохновением новые многообещающие таланты.

Вот характерный пример. 1856 год. Н.А. Некрасов передал Белинскому рукопись начинающего и никому ещё не известного литератора Достоевского, предлагавшего опубликовать её в журнале «Современник», с которым Виссарион Григорьевич тогда сотрудничал. Сам Фёдор Михайлович так вспоминал о своём дебюте:

«Некрасов снёс рукопись Белинскому в тот же день... «Новый Гоголь явился!» — закричал Некрасов, входя к нему с «Бедными людьми». — «У вас Гоголи-то как грибы растут», — строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашёл к нему вечером, то Белинский встретил его «просто в волнении»: «Приведите, приведите его скорее!».

И вот... меня привели к нему... Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно. «Что ж, оно так и надо», — подумал я, но не прошло, кажется, и минуты, как всё преобразилось: важность была не лица, не великого критика, встречающего двадцатидвухлетнего начинающего писателя, а, так сказать, из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать. Он заговорил пламенно, с горящими глазами: «Да вы понимаете ль сами-то... что это вы такое написали!.. Вы только непосредственным чутьём, как художник, это могли на-

КУЛЬТУРА

писать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали... Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг всё понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!...».

Таким образом, Белинский при первой встрече с Достоевским не просто высказал своё одобрение и напутствие, а «передал ему вполне свой энтузиазм», по словам И.И. Панаева.

Достоевский отмечал своё потрясающее впечатление от этого события — от той энергичной, «неистойвой», щедрой поддержки, которую оказал ему Белинский, как будто передав ему заряд духовных сил для преодоления многих жизненных испытаний и дальнейшего творческого развития. Через много лет, в конце жизни, Достоевский вспоминал в «Дневнике писателя» о своей первой встрече с Белинским:

«Я вышел от него в упоении. Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим, ощущал, что в жизни моей произошёл торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих... Я это всё думал, припоминаю ту минуту в самой полной ясности. И никогда потом я не мог забыть её. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая её, укреплялся духом. Теперь ещё вспоминаю её каждый раз с восторгом».

Действительно, трудно рационально объяснить, что это за сила энтузиазма, что за сила любви должна была быть (к литературе, к истине, к человеку) у «неистового Виссариона», чтобы он сумел своим деятельным участием поддержать на много лет вперёд будущего великого писателя в его многотрудной судьбе. Ведь сколько событий было в жизни Достоевского как трагических, так и счастливых (да и его отношения с Белинским в дальнейшем складывались не просто), но тем не менее для него на всю жизнь именно встреча с «неистовым Виссарионом» осталась «самой восхитительной минутой». В этом есть своего рода загадка. Неслучайно сам Белинский говорил о моментах своего творческо-

Ирина Монахова **Без страха и упрёка**

го вдохновения: «Я ощушу в себе присутствие Божие, моё маленькое я исчезнет».

Вспоминаются также и примечательные слова из другой повести Достоевского — «Белые ночи» (написанной через два года после той

памятной встречи с Белинским, в год его смерти): «Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..»